

УДК 811.11-112

DOI 10.52452/19931778_2024_6_255

МЕТАФОРИКА ГЕРМАНОЯЗЫЧНОГО КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

© 2024 г.

О.В. Матасова, Ю.А. Фокеева

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Саратов

oxana.matasova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.01.2024

Статья посвящена лингвистическому анализу кулинарно-гастрономического дискурса, феномену метафоризации в системе наименований продуктов питания германских языков. На материале немецкого и английского языков выявлена значительная продуктивность метафоры в рассматриваемой концептосфере. С точки зрения лексического состава она весьма разнообразна и содержит как архаические пласты лексики, общие для индоевропейских и германских языков, так и многочисленные заимствования. Гастрономические метафоры по большей части носят антропоцентрический характер, именуя внешность (чаще грубые обозначения частей тела человека), качества характера (чаще отрицательные) и социальный статус (чаще низкий). Вторичные номинации, как правило, демонстрируют грубую стилистическую окраску и используются в разговорной речи и диалектах в качестве ругательств. Достаточно редки случаи развития переносных значений с положительной коннотацией и функционирование глоттонимов в качестве эвфемизмов. Так анализ кулинарно-гастрономического дискурса позволил выявить глоттонимы, функционирующие с переносными значениями в охотничьем, спортивном, студенческом, медицинском и слесарном жаргонах, а также в качестве профессионализмов в энергетике, строительстве, терминах в архитектуре и технике. При этом метафорическому переосмыслению подверглись как исконные германские, так и заимствованные глоттонимы.

Ключевые слова: кулинарно-гастрономического дискурс, глоттоним, метафора, разговорная речь, профессиональный жаргон.

Введение

Процесс научного познания на современном этапе характеризуется междисциплинарными исследованиями и общей прагматической направленностью. При этом лингвокультурный аспект рассмотрения проблем приобретает первостепенное значение. Кроме того, актуальность настоящего исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению дискурса.

Рассмотрим историю понятия *дискурса*. В принципе, то, что сейчас называют дискурсом, ранее называлось речью. В конце XIX века в научный стиль входит прилагательное *дискурсивный*. В зарубежной лингвистике термин *дискурс* употреблялся в 50-х годах прошлого века в значении некоего отрезка текста – устного или письменного. В начале 70-х годов работы М.М. Бахтина, К. Ароша, П. Анри и М. Пешё привели к созданию французской школы дискурс-анализа, в рамках которой под дискурсом понимался корпус текстов [1].

За последнее десятилетие понятие дискурса стало одним из центральных в гуманитарной науке. Ряд авторов рассматривает дискурс как процесс и одновременно продукт речепроиз-

водства. В то время как дискурс имеет динамический, разворачивающийся во времени характер, текст, как результат речевой деятельности, статичен. Текст соотносится с системой языка, а дискурс – с речью. Другие ученые трактуют дискурс более узко, соотнося его с текстом. По их мнению, дискурс представляет собой фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или его независимой части [2]. Дискурс суть связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте.

В настоящее время дискурс изучается лингвистикой, социологией, антропологией, философией, теорией коммуникации и социальной психологией. Лингвисты разрабатывают тему дискурса в рамках теории речевых актов, интеракционной социолингвистики, этнографии коммуникации, прагматики, конверсационного и вариационного анализа. Такой междисциплинарный подход наложил отпечаток на понимание дискурса, и понятие *дискурс* стало шире понятия *язык*.

В.И. Карасик рассматривает дискурс с различных позиций. С позиции языковой личности дискурс приравнивается к коммуникативной

компетенции, то есть представляет собой знания, умения и навыки, необходимые для поддержания общения. С позиции текстообразования дискурс приравнивается к языковой компетенции, определяющей правильность построения высказывания. С позиции ситуации общения дискурс представлен в виде различных ситуаций и определяется принятыми в обществе сферами общения и сложившимися институтами [3].

Типология дискурса, как и любая другая классификация, может строиться на различных основаниях. На основе антиномии *общественное-личное* В.И. Карасик выделяет личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурс. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором – как представитель определенного социального института [4].

В современной социолингвистике активно исследуются политический, информационный, научный, религиозный, педагогический, юмористический и ритуальный дискурсы. Известны исследования кулинарно-гастрономического дискурса и его разновидностей [5].

Феномен метафоры универсален и изучается на стыке лингвистики, философии, логики, психологии, психоанализа, герменевтики, литературоведения, семиотики и риторики.

Метафора имеет долгую историю изучения. Термин принадлежит Аристотелю, который понимал его весьма широко. Он считал метафорой любой оборот речи, где присутствует перенесение смысла с одного слова на другое. Благодаря Аристотелю сложился взгляд на метафору как на неотъемлемую часть языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и познавательных целей. В настоящее время метафора понимается не так широко, как в античности. Современные лингвисты определяют метафору как троп, в основе которого лежит перенос значения на основе сравнения. Метафора является одним из важнейших средств обогащения языка.

Метафора встречается в разных видах текста, начиная с поэзии и публицистики, кончая языками различных отраслей научного знания, входя, таким образом, в разные виды дискурса. С 2-й половины XX века появляются исследования метафоры в дидактическом, спортивном, медийном и рекламном дискурсах. Метафорический перенос весьма распространен в профессиональном дискурсе и терминологии [6].

В разговорном дискурсе метафора используется чаще всего. В этой сфере она выполняет денотативную, когнитивную, экспрессивно-оценочную и экспрессивно-образную функции. Метафорика разговорной речи антропоцен-

трична не только из-за лежащих в её основе человеческих стереотипов, но и в связи с тем, что основным объектом метафорической номинации является человек во всех своих проявлениях. Это затрагивающие интересы человека в повседневной жизни объекты и явления – его внешность, интеллект, поведение, характер, психоэмоциональное состояние, способ перемещения, речевая деятельность, финансовое положение, работа. Кроме того, образные средства используются для номинации объектов жизненного пространства человека – пищи, одежды, предметов быта, помещений, домашних животных [7]. Весьма продуктивна метафора в диалектах [8].

При этом разговорная метафора весьма избирательна в выборе цели своих наименований. Она именуется не все подряд характеристики человека и окружающие его объекты, а лишь те, которым свойственна особая важность, например, при обозначении умственной деятельности, успеха или неуспеха начинания, материальных взаимоотношений. Метафоры продуктивны в области номинации злободневных и необычных событий, где могут служить как пейоративами, так и эвфемизмами [9].

Своеобразие разговорной метафоры состоит в стремлении к конкретности, наглядности и приземлённости образа. Она шаблонна, поскольку не должна препятствовать динамизму повседневного общения. Разговорные переосмысления логичны и просты в формально-ассоциативном плане. Они обогащают речь и количественно, и качественно.

Кулинарно-гастрономический дискурс

Кулинарно-гастрономический дискурс представляет собой особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления [10]. Рассмотрим основные составляющие кулинарно-гастрономического дискурса.

Целью данного дискурса является формирование пищевых предпочтений потребителя и культурных доминант (столовый этикет, правила поведения за столом и т. д.), связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи. Кроме того, целями могут служить передача опыта или обучение, ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов, оценка какого-либо рецепта на основании своего опыта [11].

Участниками кулинарно-гастрономического дискурса выступают агенты или авторы, обладающие большим опытом, навыками, умениями, знаниями в области гастрономии (например,

служащие заведений общественного питания), и клиенты, намеревающиеся что-либо приготовить, или посетители заведения общественного питания. Также имеет место общение служащих и посетителей между собой. На бытовом уровне участниками кулинарно-гастрономического дискурса выступают домохозяйки в момент приготовления, приема или обсуждения пищи.

Хронотопом кулинарно-гастрономического дискурса выступают время, в течение которого осуществляется приготовление пищи (кулинарный производственный процесс) и которое отведено на обслуживание посетителей заведения общественного питания, место, где происходит соответствующая работа по приготовлению пищи и обслуживание посетителей, где принимают пищу резиденты (домашняя кухня и столовая и т. д.) [12].

Опираясь на классификацию А.В. Оляничка [13, с. 155–156], можно выделить разновидности кулинарно-гастрономического дискурса – застольный, производственный и ритуальный. Эти разновидности взаимодействуют. Застольный дискурс является, как правило, личностно-ориентированным, имеет место в бытовой сфере общения и демонстрирует большую зависимость от контекста. Застольный дискурс может пересекаться с ритуальным, приобретая статусно-ориентированный характер, что выражается в клишированности общения. Ритуализированный характер застольной коммуникации диктуется социальными функциями партнеров, их возрастным и гендерным статусом, степенью их знакомства и значимости, официальности обстановки и общественным канонам. Производственная разновидность кулинарно-гастрономического дискурса является институциональной.

Кулинарно-гастрономический дискурс представлен прецедентными текстами кулинарных рецептов, в которых используются соответствующая терминология и устойчивые обороты. В качестве основного источника реализации текста кулинарного рецепта выступает поваренная книга как гипертекст. Застольная коммуникация включает обсуждение рецептов блюд и похвалы хозяйке или повару. В ритуальном застольном дискурсе присутствуют прецедентные тексты – тосты, песни, пословицы, поговорки, афоризмы, клише, фразеологизмы.

Кулинарно-гастрономический дискурс пересекается с дискурсом средств массовой информации и коммуникации. Задачей их общего коммуникативного пространства является транспортировка информации о пище, продуктах, способах переработки и потребления в социум с целью формирования предпочтений и культурных доминант, связанных с потреблени-

ем пищи, и воздействия на потребителя для выбора его пищевых предпочтений [12].

Кулинарно-гастрономический дискурс тесно ассоциирован с концептосферой *пища-еда*, вместе с которой он образует лингвосомиотическое пространство, организованное в соответствии с национально-культурной спецификой данного языка и его носителя – народа. Поэтому гастрономическая коммуникативная среда активно изучается как этнокультурный феномен в рамках концептологии, дискурсологии, лингвосомиотики и лингвокультурологии.

Объектом нашего исследования является концептосфера *продуктов питания* германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса. Предметом настоящей статьи является феномен метафоризации наименований продуктов питания. Исследование проведено на материале немецкого и английского языков на основе словарей серии Duden, Longman и Cambridge dictionary [14–17].

Этимологическая и семантическая характеристика системы глуттонимов германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса

В связи с тем, что питание является биологической основой жизни, наименования продуктов питания в языках, с одной стороны, весьма разнообразны, а с другой стороны, демонстрируют архаические пласты лексики. Система наименований продуктов питания (глуттонимов) германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса включает лексические слои, общие для индоевропейских и германских языков.

Самым древним является пласт лексики общеиндоевропейского происхождения. Интересно, что данный лексический пласт содержит множество наименований рыб, например: нем. *Lacks, Hecht*, англ. *lax, pike* и др. В него входят наименования важнейших для древнего человека видов продуктов и блюд – яблоко (нем. *Apfel*), (англ. *apple*), орех (нем. *Nuß*), (англ. *nut*), яйцо (нем. *Ei*), (англ. *egg*), молоко (нем. *Milch*), (англ. *milk*), вода (нем. *Wasser*), (англ. *water*) и т. п. Древнейший пласт лексики демонстрирует большой метафорический потенциал. Так, немецкое наименование ореха в разговорной речи служит ругательством, называя негодного человека. В сельской местности оно называет загадку, задачу, трудность, проблему. Кроме того *Nuß* именуется круглую вырезку из бедренной части коровьей туши в жаргоне поваров, половой орган самки семейства псовых в охотничьем жаргоне и головку ключа на сленге сле-

сарей. В свою очередь, в английском языке слово *nut* в энергетике означает мелкий уголь размером 30–50 мм, в разговорном языке – голову, имея значение, близкое к русским словам «котелок», «башка», а также чудаковатого странного человека, кроме того, данное слово подобно немецкому используется в качестве ругательства при негативной характеристике человека.

В немецком языке наименование яйца называется мяч, авиабомбу, деньги, европейские денежные единицы (евро и т. п.), мошонку и негодного, ненужного человека. Последние вторичные номинации имеют грубую коннотацию. Близкими значениями слово обладает и в английском языке. Оно также применяется для обозначения гранаты, бомбы и в американском английском – человека мужского пола, парня.

Немецкое наименование лосося *Lacks* используется в поварском жаргоне для обозначения дорсальных мышц туш животных. А английское слово *trout*, кроме основного значения «форель», применимо к не очень привлекательной женщине, а также этим словом называют женский половой орган и фригидную женщину.

Значительное количество наименований продуктов питания германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса относится к общегерманскому языковому фонду, например: нем. *Fleisch, Hering, Krabbe* и др., в англ. *meat, herring, crab* и др. Лексика общегерманского происхождения также успешно развивает вторичные наименования. Наименование сельди *Hering* в немецком языке именуется худого мужчину и деталь для фиксации палатки (оттяжку). В английском языке слово *herring* приобрело ряд дополнительных значений. Им могут называть девственницу, а также неприятную для говорящего женщину, в животноводстве данное слово используется для именованья лошади с подтянутым животом или «оленьим» брюхом при описании порока экстерьера лошади (синоним к слову *herring-gutted*).

Наименование краба *Krabbe* в немецком языке используется для шуточного именованья подвижного ребенка, главным образом девочки, а также называет крюкообразный декоративный элемент готической архитектуры (крабб). В то время как в английском языке, словом *crab* помимо животного называют подъемное приспособление, лебёдку в строительстве, а в спорте упор лёжа, согнув ноги сзади, или «мостик».

Важной составляющей системы наименований продуктов питания германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса является группа латинских заимствований. Это сравнительно большая группа, общая для большинства германских языков, представлена хорошо ассими-

лированными единицами, заимствованными в общегерманский период, например: нем. *Feige, Käse, Kürbis, Pfeffer*, англ. *fig, cheese, pumpkin, pepper*. Данные заимствования свидетельствуют о ранних – с 2 века н. э. – значительных языковых контактах древних германцев с римлянами в сфере торговли продуктами питания, сельского хозяйства, земледелия и садоводства.

Рассмотрим метафоризацию заимствованных в древние периоды языкового развития единиц. Немецкое наименование сыра *Käse* в разговорной речи получает переносное уничижительное значение «вздор, чепуха», а английское *cheese* – «тупица, болван», кроме того в английском сленге этим же словом обозначают деньги – «бабло, капуста, бабки», в технике и текстильной промышленности – цилиндрическую бобину, а в пищевой промышленности – любой продукт, который можно намазать подобно мягкому сыру, или имеющий форму головки сыра. Немецкое наименование инжира *Feige* развило в разговорном языке переносные значения, грубо именуя женский половой орган и уничижительно называя женщину, занимающуюся проституцией, близкие значения появились и у английского слова *fig* (женский лобок, наружные половые органы, комбинация из трёх пальцев – шиш, фи́га).

Наименования продуктов питания, заимствованные в более поздние периоды, также показывают тенденцию к метафорическому переосмыслению значения. Так, заимствованное из польского языка в немецкий наименование огурца *Gurke* развило в разговорной речи целый ряд значений с грубой, уничижительной, фамильярной и насмешливой коннотацией. Данная единица может называть большой некрасивый нос, мужской половой орган, негодного, плохо выполняющего работу человека, чаще спортсмена, и негодную (старую) вещь. Заимствованное из романских языков в немецкий наименование дыни *Melone* в разговорном языке приобрело шутовское значение «котелок». Метафоризация осуществлена, очевидно, на основе сходства формы. Вместе с тем возможна опора и на другие сходные признаки (местоположение, функция, цвет и др.). Так, в английском языке наименование чая метафорически именуется мочу (перенос осуществлён на основе сравнения цвета), а также пишу для размышления, интересную информацию (по-видимому, предполагающую её осмысление во время неспешного чаепития).

Менее значительное влияние на систему наименований продуктов питания германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса оказали языковые контакты с другими

европейскими народами. Так, из романских языков заимствованы нем. *Melone, Soße, Zucker*, англ. *mutton, beef, biscuit* и др. Незначительны заимствования из славянских языков: нем. *Gurke, Quark*.

В английском языке, как и в других германских языках, еще в древнейшие времена встречались слова, которые имели общие корни со словами славянских языков и, предположительно, были заимствованы из диалектов славянских племен уже в XII веке, после чего перешли из древнеанглийского в современный английский язык. Например, слово «молоко» было заимствовано вначале древним языком у славянских племен как *meolk*, и уже оттуда как *milk* перешло в современный язык. Также развивалось и слово *mёд*, которое в древнеанглийский период приобрело форму *meodu*, а в современном английском стало формой *mead*, т.е. медовое вино [18]. В дальнейшем произошло расширение значений упомянутых слов. Слово *milk* обрело ряд метафоричных значений, среди которых «туман, облачность», а *mead* стало использоваться в поэтических текстах в значении «луг» [19].

В семантическом плане система наименований продуктов питания германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса гетерогенна. Прежде всего, выделим группу наименований продуктов питания растительного происхождения, которая содержит наименования овощей, фруктов, орехов и круп. Данная группа дает богатый метафорический материал. Так, немецкое наименование репы *Rübe* развило переносные фамильярные значения головы и парня. Последнее значение зафиксировано в сельской местности. Немецкое наименование сливы *Pflaume* развило грубые уничижительные значения, именуя женский половой орган и негодного слабого человека. Немецкое наименование яблока *Apfel* служит эвфемизмом для обозначения женской груди. Наименование банана *Banane* в немецком разговорном языке называет конфигурацию вертолета с двумя винтами. В немецком разговорном языке наименование крупы *Grütze* называет ум, разум.

Схожую картину можно наблюдать и в английском языке. Так, наименование овоща – *carrot* получило дополнительное значение *приманка, стимул, «пряник»*, на его основе возникло выражение *offer the carrot*, обозначающее «завлекать пряником». При этом словарь Longman Dictionary of Contemporary English фиксирует следующий пример, содержащий данное слово: They have refused to sign the agreement despite a carrot of £140 million [18]. Слово *cabbage* помимо овоща называет и человека в

бессознательном состоянии, в русском языке для его наименования часто используется понятие «овощ». В американском варианте английского языка зафиксировано дополнительное значение слова *apple* – индеец, живущий в соответствии с культурными ценностями белых. Данное метафорическое значение возникло на основе понимания яблока как фрукта красного снаружи и белого внутри и сравнения внешнего и внутреннего облика индейца. Помимо указанного значения, существует множество других разговорных: лесть, чепуха, ерунда, а также земной шар, бомба, бейсбольный мяч в спорте. Кроме того, данным словом может обозначаться сексуальная привлекательность, а во множественном числе оно является эвфемизмом для обозначения женской груди и мужских половых органов. Также достаточно большое количество значений, связанных с названием половых органов (как и в немецком языке), имеет лексема *plum*. Наряду с этими значениями у неё имеются и другие. Например, она может обозначать выгодный заказ, непредвиденный доход, «лакомый кусочек», «пенки», «сливки», а также колороним «тёмно-фиолетовый». Слово *lemon* помимо фрукта обозначает неудачника, глупца, тупицу.

Далее выделим группу наименований продуктов животного происхождения, в которую входят наименования молочных, мясных и рыбных продуктов. В эту группу входит наименование яйца. В обоих исследуемых языках единицы данной группы обладают значительным потенциалом развития вторичных значений. Так, наименование сметаны *Schmand* в восточных диалектах немецкого языка функционирует со значением грязи и ила, а в восточных и северных называет пенку на кипяченом молоке. Наименование индейки *Pute* используется в немецком языке для именования глупой тщеславной женщины. Наименование курицы *Huhn* в немецком языке функционирует в качестве ругательства. В немецком языке наименование шуки *Hecht* фамильярно называет чад, (табачный) дым и мужчину с положительной коннотацией.

В английском языке развитие вторичных наименований происходит по схожей схеме. Слово *chicken* может использоваться с оценочным значением – трус, а *fish*, кроме наименования рыбы, может применяться в шахматном спорте, обозначая плохого, крайне слабого шахматиста. Лексема, означающая в гастрономии треску, может также в разговорной речи называть чудака или дурака, а в ботанике – стручок.

В американском варианте английского языка слово *pork*, изначально применяющееся как

наименование сорта мяса, приобрело новое значение и предполагает правительственные привилегии и дотации. Наименование птицы *turkey* может также функционировать в значении фильма или пьесы, провалившейся в прокате. Слово *milk* обрело массу значений, основанных на схожести по внешним признакам с молоком. Так, среди них есть наименования облачности или тумана, а также сока растений.

Кроме того, выделим группу наименований блюд. В ней целесообразно выделить подгруппы наименований мучных, мясных и комплексных блюд. К данным подгруппам примыкает подгруппа наименований приправ. Лексика данной группы демонстрирует значительный метафорический потенциал. Так, немецкое наименование лапши *Nudel* используется в сельской местности для обозначения жареных в масле пирожков и корма для гусей. В южных диалектах глуттоном *Nudel* называет вид вареника. В разговорной речи *Nudel* служит именованием человека, чаще женщины, а также грубым обозначением мужского полового органа. Наименование заднего окорока *Schinken* в разговорном немецком языке может служить фамильярным обозначением ягодицы. В студенческом жаргоне данная лексема приобрела значение большой толстой книги, которое развилось на основании метонимического переноса, так как фолианты часто имели обложку из свиной кожи. На основе этого значения в результате метафорического переноса с большого размера книги на большую картину, длинную пьесу или дорогостоящий фильм сформировалось значение «произведение искусства плохого качества». Немецкое наименование сахара *Zucker* в медицинском жаргоне служит для обозначения глюкозы крови и сокращенным названием диабета.

В английском языке кроме разновидности макаронных изделий слово *macaroni* может именовать трубу малого диаметра, а также инструмент для резьбы по дереву – ложечную стамеску. Пищевой продукт *salt* на профессиональном жаргоне специалистов по робототехнике означает помехи в виде ошибочно белых элементов изображения, а у моряков – опытного, бывалого моряка. В свою очередь, пряность *pepper* может именовать бодрость духа, а также в определенном контексте подразумевать похоть и страсть. Лексема *cake* распространена в разных сферах и применяется для наименования не только сладкого блюда, но и женской груди, ягодиц, сексуально привлекательной девушки в целом, а также простого «плёвого» дела, в сфере строительства данным словом называют плитку литого металла, а в сленге – деньги. В британском варианте английского языка словом

pudding может называться любое сладкое блюдо, а в австралийском сленге данным словом называют маленького и толстого человека или глупца.

Особенности метафоризации наименований продуктов питания в германоязычном кулинарно-гастрономическом дискурсе

Анализ корпуса исследования показывает, что метафоризация в системе наименований продуктов питания германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса протекает на основе сравнения следующих признаков: форма, размер, консистенция, цвет, свойство продукта. Так, на основе цветового сходства наименование щуки *Hecht* в немецком языке фамильярно именуется чад, (табачный) дым, а в английском языке *milk* называет не только продукт питания, но сок растений соответствующего цвета. Метафорический перенос на основании размера демонстрирует наименование сосиски *Würstchen*, которое в разговорном немецком языке обозначает жалкого человека. Метафоризацию на основании свойств продукта демонстрирует немецкое наименование творога *Quark*, которое приобрело в разговорном языке значение чепухи, вздора. Отрицательная коннотация и уничижительный оттенок значения возникают, очевидно, на основании сравнения с такими свойствами творога, как быстрая порча и незначительная питательная ценность. Свойства перца лежат в основе метафорического переноса значения, вследствие которого его немецкое наименование *Pfeffer* получило значение подъема, стимула, силы, схожие значения имеются и у английского слова *pepper*. На основании сходства по консистенции в немецком языке наименование мяса *Fleisch* обозначает фруктовую мякоть, а наименование воды *Wasser* – пот, мочу и слезы.

Однако чаще всего в нашем корпусе процесс метафоризации осуществляется на основе сравнения формы. Так, немецкое наименование груши *Birne* может в разговорной речи служить для обозначения электрической лампочки и фамильярно именовать голову человека. Значения головы с фамильярным оттенком развили также немецкие наименования тыквы *Kürbis*, репы *Rübe* и гороха *Erbse*, а в английском языке ореха *nut*. Наименования продуктов питания довольно часто сравниваются с частями тела человека, например в немецком языке наименования огурца *Gurke* и картофеля *Kartoffel* называют носы соответствующей формы. Немецкое наименование лука *Zwiebel* шутливо называет

вид женской причёски (пучок) и разновидность купольного покрытия в храмовой архитектуре (луковичная глава). Немецкие наименования картофеля и яйца (*Ei*) функционируют в спортивных жаргонах, именуя баскетбольные и футбольные мячи, те же значения приобретает и английское слово *egg*.

Возможно развитие метафорики по ряду признаков. Так, немецкое наименование оладьи *Fladen* может называть любое печеное изделие похожей формы, а также любой предмет похожего размера и консистенции, например коровьи испражнения. Немецкое наименование колбасы *Wurst* также может именовать любые предметы похожей формы и консистенции, прежде всего испражнения. На основании сходства формы и консистенции немецкое наименование пирога *Kuchen* метафорически употребляется для обозначения спрессовавшейся массы после давки винограда и масличных культур. Немецкие наименования картофеля и лука называют наручные или карманные часы соответствующей формы и размера. Немецкая лексема *Kartoffel* называет большую круглую дыру в чулке или носке. На основании сходства цвета и консистенции в немецком языке наименование соуса *Soße* приобрело значение грязи, в английском языке фрукт *pulm* дал название цвета, а наименование молока *Milch* (как и английское *milk*) может именовать сок различных растений, сперму рыб, косметическую эмульсию, творожистый секрет, вырабатываемый у некоторых птиц для кормления птенцов (птичье молоко).

В ходе анализа выявлено, что вторичные наименования продуктов питания чаще всего называют части тела человека (голову – нем. *Birne, Kürbis, Rübe, Erbse*; нос – нем. *Gurke, Kartoffel*; грудь – нем. *Apfel*, англ. *cake, apple*; ягодицы – нем. *Schinken*; половые органы – нем. *Ei, Feige, Gurke, Nudel Pflaume*, англ. *fig*) либо дают характеристику человеку, подчеркивая его слабость, никчёмность (нем. *Ei, Huhn, Nuß, Pflaume, Würstchen*, англ. *lemon, cheese, chicken*), глупость, тщеславие (нем. *Pute*), худобу (нем. *Hering*), занятие непрестижной профессией (нем. *Feige* – проститутка, *Gurke* – спортсмен-неудачник). Также зафиксированы значения чепухи, ерунды (нем. *Käse, Quark*), грязи (нем. *Soße, Schmand*), испражнений (нем. *Fladen, Wurst*), второсортности (нем. *Kartoffel, Schinken*). Таким образом, вторичные номинации в исследуемой концептосфере, как правило, демонстрируют отрицательную коннотацию, фамильярную, грубую, уничижительную стилистическую окраску и могут функционировать в качестве ругательств. Положительная коннотация или шутовская стилистическая окраска при-

сутствуют реже, например при именовании лица (нем. *Hecht, Krabbe, Rübe*) или в случае эфемии (нем. *Apfel, Wasser*).

Анализ корпуса исследования выявил, что ряд вторичных наименований продуктов питания входит в диалекты, профессиональные языки и жаргоны. Нами установлены единицы, функционирующие в охотничьем (нем. *Nuß*), спортивном (нем. *Ei, Kartoffel*, англ. *egg, fish*), слесарном (нем. *Nuß*, англ. *macaroni*), медицинском (нем. *Zucker*), студенческом (нем. *Schinken*) и поварском (нем. *Lacks, Nuß*) жаргонах. Реже вторичные наименования терминологизируются. В нашем корпусе обнаружены архитектурные (нем. *Krabbe, Zwiebel*) термины, технические (англ. *macaroni, salt*).

Выводы

Кулинарно-гастрономический дискурс представляет собой смешанный тип коммуникации – личностно-ориентированный в бытовой сфере общения и одновременно статусно-ориентированный, носящий институциональный характер. Целью данного типа дискурса является формирование ценностей на основе главной задачи глоттонической коммуникации – питания, которое является одним из необходимых условий биологического выживания. Кулинарно-гастрономический дискурс интересен для лингвокультурологии, так как фиксирует кулинарную культуру и традицию народа, гастрономическую картину мира данного языка. Как и любому другому, кулинарно-гастрономическому дискурсу присущ феномен метафоризации.

Составной частью кулинарно-гастрономического дискурса является система наименований продуктов питания. В исследуемых языках данная система гетерогенна. С точки зрения этимологии она демонстрирует значительные архаические слои, лексика которых восходит к общегерманскому языковому фонду или имеет индоевропейское происхождение. Значительный в количественном отношении пласт лексики восходит к ранним заимствованиям из латинского языка.

На основе проведённого исследования установлено, что исследуемая лексика показывает тенденцию к метафоризации на основе различных признаков. Чаще всего имеет место метафорический перенос на основании формы, размера, консистенции и цвета продукта. Гастрономические метафоры, по большей части, носят антропоцентрический характер, именуя различные характеристики человека: внешность (чаще грубые обозначения частей тела человека), качества характера (чаще отрицательные) и соци-

альный статус (чаще низкий). Кроме того, установлена тенденция к развитию пейоративных вторичных номинаций. Отметим также активное функционирование вторичных номинаций продуктов питания в различных профессиональных жаргонах и терминологии.

Список литературы

1. Квадратура смысла: Сб. статей / Пер. с фр., португ.; Предисл. Ю.С. Степанова; [сост.], общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. 415 с.
2. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного // Язык. Личность / Под редакцией Т.Н. Торопова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 34–55.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 61–68.
5. Вильгельм Т.А., Матасова О.В. Кулинарно-гастрономический дискурс современного немецкого языка // России – творческую молодёжь: Тезисы докладов IX региональной научно-практической студенческой конференции. Волгоград: Изд. ВолГТУ, 2016. С. 98.
6. Матасова О.В. Семантический и словообразовательный потенциал немецкого ономота *bamm* // Язык и культура: поликультурный потенциал немецкого языка: Мат. Междунар. науч.-практич. конф. Ульяновск: УлГПУ, 2013. С. 173–186.
7. Яхина Д.И. Образные средства в современной русской разговорной речи: на материале метафор и сравнений: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 140 с.
8. Матасова О.В. Семантика вербальных производных немецкой звукоподражательной основы *klapp/klapf* // Язык и мир изучаемого языка. 2015. Вып. 6. С. 61–66.
9. Кудряшова А.П. Эвфемизмы в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст» (на материале современных русского и немецкого языков). Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2015. 136 с.
10. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
11. Земскова А.Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 13 с.
12. Олянич А.В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2 (19). С. 157–160.
13. Олянич А.В. Вакхический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2 (19). С. 155–157.
14. Duden: Das Herkunftswörterbuch // Bearb. von Prof. Dr. G. Drosdovski. 2. Aufl., völlig neu bearb. und erweitert. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverl., 1989. 839 s.
15. Duden-online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duden.de>; 14.12.2019.
16. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/#>
17. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/carrrot>
18. Чибисова Е.Ю. Анализ русских заимствований в английском языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34). В 2-х ч. Ч. II. С. 172–180.
19. Фокеева Ю.А., Заценко А.А. Сопоставительный анализ переводов сонета Джона Китс «Кузнечик и сверчок» // Язык и мир изучаемого языка, 2016. № 7. С. 153–157.

METAPHORICS OF THE GERMAN-LANGUAGE CULINARY AND GASTRONOMIC DISCOURSE: LINGUOCULTURAL ASPECT

O.V. Matasova, Y.A. Fokeeva

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

The article is devoted to the linguistic analysis of the culinary and gastronomic discourse, the phenomenon of metaphORIZATION in the system of naming food products in Germanic languages. Based on the material of the German and English languages, the significant productivity of metaphor in the conceptual sphere under consideration has been revealed. From the point of view of lexical composition, it is very diverse and contains both archaic layers of the vocabulary common to the Indo-European and Germanic languages, as well as numerous borrowings. Gastronomic metaphors for the most part are anthropocentric in nature, naming appearance (often crude designations of parts of the human body), character traits (often negative) and social status (often low). Secondary nominations tend to exhibit coarse stylistic overtones and are used as slurs in colloquial speech and dialects. Cases of the development of figurative meanings with a positive connotation and the functioning of gluttonyms as euphemisms are quite rare. Thus, the analysis of culinary and gastronomic discourse made it possible to identify gluttonyms that function with figurative meanings in hunting, sports, student, medical and plumbing jargon, as well as as professionalisms in energy construction, terms in architecture and technology. At the same time, both the native Germanic and borrowed gluttonyms underwent metaphorical rethinking.

Keywords: culinary and gastronomic discourse, gluttonim, metaphor, colloquial speech, professional jargon.

References

1. The quadrature of meaning: Collection of articles / Translated from French, Portuguese; Preface by Yu.S. Stepanov; [comp.], general ed., introductory article and commentary by P. Serio. M.: Progress, 1999. 415 p.
2. Demyankov V.Z. Text and discourse as terms and as everyday words // *Language. Personality* / Ed. by T.N. Toropov. M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 34–55.
3. Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. M.: Gnosis, 2004. 389 p.
4. Karasik V.I. About the types of discourse // *Linguistic personality: an institutional and personal discourse course*. Volgograd: Peremena Publ., 2000. P. 61–68.
5. Wilhelm T.A., Matasova O.V. *Culinary and gastronomic discourse of the modern German language // Russia – creative youth: Abstracts of the proceedings of the IX regional scientific and practical student conference*. Volgograd: Publishing House of VolgSTU, 2016. p. 98.
6. Matasova O.V. Semantic and word-forming potential of the German onomatopoeic bamm // *Language and culture: multicultural potential of the German language: Mat. International Scientific and Practical Conference Ulyanovsk: UIGPU, 2013. P. 173–186*.
7. Yakhina D.I. *Figurative means in modern Russian colloquial speech: on the material of metaphors and comparisons: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences*. Saratov, 2007. 140 p.
8. Matasova O.V. Semantics of verbal pronouncements of the German onomatopoeic basis klapp/klapf // *Language and the world of the language being studied*. 2015. Issue. 6. P. 61–66.
9. Kudryashova A.P. Euphemisms in the semantic fields of «death», «illness», «age» (based on the material of modern Russian and German languages). Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2015. 136 p.
10. Olyanich A.V. *The presentation theory of discourse: Monograph*. Volgograd: Paradigma Publ., 2004. 507 p.
11. Zemskova A.Y. *Linguosemiotic characteristics of the English-language gastronomic course: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology*. Volgograd, 2009. 13 p.
12. Olyanich A.V. *Gastronomic discourse // Discourse-Pi*. 2015. № 2 (19). P. 157–160.
13. Olyanich A.V. *Bacchanalian discourse // Discourse-Pi*. 2015. № 2 (19). P. 155–157.
14. Duden: *Das Herkunftswörterbuch* // Bearb. von Prof. Dr. G. Drosdovski. 2. Aufl., völlig neu bearb. und erweitert. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverl., 1989. 839 s.
15. Duden-online [Electronic resource]. Access mode: <https://www.duden.de> ; 12/14/2019.
16. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/#>
17. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. Access mode: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/carrot>
18. Chibisova E.Y. Analysis of Russian borrowings in English // *Almanac of Modern Science and Education*. Tambov: Gramota Publ., 2010, № 3 (34). In 2 hours, part II. P. 172–180.
19. Fokeeva Yu.A., Zatsenko A.A. Comparative analysis of translations of John Keats's sonnet «The Grasshopper and the Cricket» // *Language and the world of the studied language*, 2016. № 7. P. 153–157.